

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.

Р65 Банкротство мнимых ценностей : роман / Олег Рой. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Капризы и странности судь-
бы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-90512-6

Евгений Крутилин к своей кличке «ЛОХНЕСС» относился двояко. С одной стороны, ему было приятно чувствовать себя редким зверем, ласково именуемым «НЕССИ». С другой стороны, первые три буквы школьного прозвища вызывали в нем чувство протеста: «Нет, он не ЛОХ, он о-го-го какой бизнес построил, какую красавицу в жены взял!» Но жизнь – такая капризная штука, что сегодня ты возНЕССя, а завтра ЛОХанулс и приземлился прямо в лужу, став одновременно и банкротом, и рогиносцем. Осознание своего лузерства только у сильных духом людей вызывает сопротивление и желание все исправить. Пусть даже ценой собственной жизни. Но если оно возникло, если ты начал двигаться к намеченной цели, то для тебя всегда найдется ангел-хранитель. Думал ли Женька Крутилин, что удостоится таких ангелов?!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90512-6

© Резепкин О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Сизый табачный дым, клубившийся над каждым столиком, выглядел в неярком свете бра почти осязаемым. Казалось, стоит протянуть руку — и сможешь почувствовать в ладонях рыхлые облака, сжать их, скомкать, ощутить, какие они липкие... Во всяком случае, именно так представлялось мужчине в стильных очках, сидевшему в углу зала, рядом с елкой, украшенной одинаковыми шарами. В этот рождественский вечер его все раздражало: и елка, мешавшая удобно откинуться на спинку дивана, и полумрак зала «с претензией на интимную обстановку», и огромная плазменная панель напротив, с какими-то очередными рождественскими соплями, и дым... Особенно дым. Три года назад он бросил курить и с тех пор не переносил, когда кто-то смолил рядом. Вплоть до того, что старался избегать тусовок и даже некоторых деловых встреч — потому что рано или поздно у собеседников обязательно появлялись в руках сигареты. Свободно дышать удавалось лишь в собственном офисе, где он установил строгий запрет на курение. Нарушителям грозил штраф, а во время приема на работу новых сотрудников отсутствие вредной привычки выступало одним из критериев отбора. Впрочем, сейчас все уже оказалось в прошлом. Офиса у него больше не было, и компании, торговавшей компьютерами и когда-то считавшейся

Олег Рой

одной из лучших в Москве, тоже не было. Кризис, будь он неладен!..

Сегодня желание закурить сделалось почти нестерпимым. Он отодвигал навязчивую мысль, прогонял ее, но она, как назойливая муха, возвращалась вновь и вновь, рисуя в воображении заманчивую картину. Ведь это так легко! Протянуть руку, вынуть из лежащей на столе пачки сигарету, почувствовать губами привычную упругость и, щелкнув зажигалкой, впустить в легкие до боли знакомый ароматный дым. Раньше он был уверен, что курение помогает ему думать — именно в такие минуты его посещали наиболее удачные идеи, приходило разрешение мучивших проблем. Может быть, и сейчас... Однако умом он понимал, что подобные надежды напрасны. Да, можно позволить себе поддаться соблазну. И сначала появится приятное, еле заметное головокружение и чувство расслабленности, потом стянет виски, возникнет головная боль и сухость во рту... Но дело даже не в этом. А в том, что в нынешней ситуации никакие сигареты не помогут.

Двое приятелей, сидевшие за его столом, абсолютно не замечали нервного состояния соседа, беспечно болтая между собой. Случайные знакомые из фитнес-клуба Well-being, с которыми он после тренировки увязался в бар, чтобы хоть на несколько часов отвлечься от тягостных мыслей, но здесь, в дорогом ирландском пабе, еще острее почувствовал одиночество и безвыходность своего положения.

Бокал перед ним почти опустел, и он сделал едва заметный жест, подзывая вышколенную официантку в очень короткой клетчатой юбке и кокетливых чулочках. Ножки у девушки были что надо, но сейчас такие вещи его не интересовали.

— Еще сто пятьдесят, пожалуйста.

Официантка услужливо кивнула головой и метнулась к барной стойке, а он опустошил свой бокал одним глотком. Выпито было уже немало, но это не принесло ни радости, ни душевного равновесия, ни успокоительного опьянения. Неприятные мысли и воспоминания все равно просачивались сквозь пелену алкоголя, не давая забытья или хотя бы расслабиться.

Соседи по столу, оживленно жестикулируя, продолжали свою беседу, и ему даже не нужно было прислушиваться, чтобы понять, о чем они говорят. Тема в их кругах сегодня одна — мировой экономический кризис. Кто-то пробует докопаться до причин, кто-то пытается делать прогнозы, но большинство в красках расписывают знакомым, малознакомым и вовсе незнакомым собеседникам, насколько богатыми они были или вот-вот могли бы стать, если б не события этой осени. Вот и сейчас один из его новоявленных приятелей жаловался на то, как накрылся потрясающий кинопроект, в который он вложил, — «всем боевикам боевик, Голливуд отдыхает, Шварценеггер с Ван Даммом лопнули бы от зависти!», а другой выдавал в ответ историю о своей «телочке», которой он клятвенно пообещал, что сделает из нее известную певицу, — и тут такой облом! И оба на полном серьезе считали, что «значительно пострадали из-за кризиса».

Слушать это было невыносимо. Как вообще можно ставить на одну доску несостоявшуюся киношку и банкротство целой компании? Все, во что он много лет вкладывал столько сил, труда, денег, — все рухнуло в какой-то месяц. Дело всей жизни. Бизнес. И нет ничего. Совсем ничего. Он полный банкрот, полный... Интересно, как бы отреагировали его спутники, если б он рассказал им о *своих* проблемах? Изобразили бы сочувствие?

Олег Рой

Стали бы утешать сказками о других разорившихся? Или шарахнулись бы от него, как от заразного больного?

«Впрочем, какое мне до них дело? — пронеслось в голове. — Все равно в конце января мой абонемент в клуб закончится, а новый я, естественно, покупать не буду. Перестану ходить на тренировки, они забудут обо мне, а я о них».

Официантка поставила на столик новую порцию коньяка. Он торопливо взял пузатый бокал, сделал большой глоток и скривился — вкус дорогого напитка показался неприятным, даже мерзким.

— Жека, а ты чего грузной такой? — наконец обратил на него внимание неудавшийся продюсер. Вообще-то к кино он никакого отношения не имел, в фильм вложился так, забавы ради. Женя знал, что у этого парня крупный строительный бизнес, но вот имя его никак не мог запомнить. То ли Саша, то ли Серега...

— Какие-то проблемы? — продолжал допытываться тот. — Не дрейфь, прорвемся!

— Да в порядке все, — бывший бизнесмен, а ныне банкрот Евгений Крутилин по прозвищу Лохнесс очнулся от мрачных раздумий и соорудил некое подобие улыбки. — С женой вчера поругался, сегодня надо мириться. Вот не выходит из головы.

— А, ха-ха, старик, — понимающе кивнул второй сосед, Виталик, любитель юных певиц. — Ну, это дело поправимое. Купи ей цацку какую-нибудь подороже — и весь базар. Уж я-то знаю! Когда моя кулема узнала про Дашку... Или это еще не Дашка, а Настасья была?.. Нет, все-таки Дашка... Так вот, такой визг подняла — мама не горюй! Развод, раздел имущества, с детьми видеться не дам, и все такое прочее... Ну я, не будь дураком, колечко ей подогнал, с брюликами покрупнее, — враз заткнулась!

— Хорошая идея, — Лохнесс кивнул и допил остатки коньяка. Он и сам не знал, зачем пошел сюда, вместо того чтобы ехать домой. Но с чужими людьми он чувствовал себя относительно спокойно, хотя и понимал, что это ненадолго. Очень скоро ему придется опять погрузиться в реальную жизнь. И еще он оттягивал разговор с женой, хотел его и боялся одновременно.

Жена... Марина... Такая мягкая, ласковая, вчера впервые за всю их совместную жизнь выпустила коготки и больно царапнула. Что это — случайность? А вдруг теперь, когда он разорился, так будет всегда? Если и дома все обрушится, тогда хоть в петлю...

Он подумал об этом отстраненно, но потом вернулся к этой мысли и повторил ее про себя еще раз, точно пробуя на вкус. И действительно, если он лишится и своего дела, и семьи, то для чего ему жить?

* * *

Марина сама не знала, отчего вдруг решила остаться дома. Не то чтоб некуда было поехать, наоборот, звали и в клуб, и за город с ночевкой. Но она не приняла ни одного из приглашений. Возможно, потому, что не хотелось тратиться на подарки. И раньше-то, до банкротства мужа, Марина была скуповата, больше любила получать, чем дарить. Ну а теперь, когда последние деньги таяли на глазах с ужасающей скоростью, покупка рождественских сувениров выглядела непозволительной роскошью. Нет уж, хватит с них и тех милых пустячков, которые она преподнесла всем друзьям и нужным людям на Новый год!

Так что ни в какие гости и тусовки Марина не поехала, но по магазинам, впрочем, прошвырнулась — праздник же, почти везде рождественские скидки. Купила джинсы, пару кофточек, юбку-

миди, сапожки, сумочку и так, по мелочи: шампунь, пену для ванны с ароматом шоколада, крем для тела с афродизиаками. Конечно, где-то в глубине сознания свербела неприятная мыслишка, что тысячи, которые она тратит, — последние и хорошо бы быть позкономнее... Но Маринка гнала все сомнения прочь, решив для себя, что станет переживать неприятности по мере их поступления. Вот закончатся средства — тогда и начнем плакать и во всем себе отказывать. А сейчас, пока на кредитке еще что-то есть, можно устроить себе маленький праздник.

Домой она вернулась уже в сумерках, перемерила все обновки и, вполне довольная приобретениями, отправилась в ванную, опробовать новую пену.

В тот самый момент, когда запиликал телефон, Марина как раз повесила мокрое банное полотенце на сушилку и потянулась к тюбику с кремом.

— Привет, что делаешь? — прозвучал в трубке знакомый голос, от которого по распаренному обнаженному телу тотчас побежали приятные мурашки.

— А ничего. Дома сижу...

— Собираешься куда-нибудь вечером?

— Да нет, вряд ли. Лениво что-то. Ванну вот приняла с шоколадной пеной, перышки чищу...

— Вот как? А твой где?

— Понятия не имею.

— С шоколадной, говоришь? Ну что ж, это здорово...

И прежде чем Маринка успела сказать еще что-то, в трубке раздалась короткая гудка. Жена банкрота Евгения Крутилина вернулась к своим приятным занятиям, но сердце долго еще продолжало биться, словно растревоженная птица...

* * *

Радио в автомобиле было включено на полную мощь, веселый голос диджея в который раз за день поздравлял слушателей с православным Рождеством. Ехали медленно, еле-еле двигаясь в потоке — в праздничный вечер улицы Москвы оказались забиты почти под завязку. Макса это раздражало, он вел машину нервно, то слишком резко дергал с места, то пытался перестроиться в соседний ряд, где ему казалось посвободнее, то, ничуть не стесняясь присутствия хозяйки, матерился, проклиная на чем свет стоит других водителей, гаишников и чиновников, которые думают только о том, чтоб набить свой карман, а не о том, чтобы хоть как-то решить проблему с движением в столице. Зато Карина пребывала в отличном настроении и только посмеивалась над личным водителем и по совместительству охранником. Она ехала на свидание, не назначенное заранее, а задуманное как сюрприз, праздничный подарок, — и чувствовала себя совершенно замечательно. Подпевая лившейся из колонок модной песенке, она придирчиво осматривала свой свеженький маникюр и не находила в нем ни единого изъяна. Определенно, она не прогадала! Эта новенькая маникюрша, которую Карина перед Новым годом переманила в свой салон от конкурентов, стоила обещанных ей денег.

Наконец утомительное путешествие по запруженному машинами центру закончилось. Автомобиль свернул в тихий двор недавно отреставрированного дома на Солянке, гуднул клаксоном перед шлагбаумом, подрулил к высоким резным дверям подъезда. Макс сглотнул и поинтересовался:

— Я вам сегодня еще нужен?

— Сегодня — нет, — покачала головой Карина. — Я потом

Олег Рой

себе такси вызову. А ты поезжай домой, отдохни как следует. Праздник отметь. Но не забывай о завтрашнем поручении, — она хотела произнести это легко и беззаботно, но не получилось, голос все-таки дрогнул. — Ну, пока!

И, подхватив пакет с логотипом известной фирмы, специализирующейся на роскошном женском белье, Карина застучала каблучками. Нажала кнопку переговорного устройства, дождалась ответа, кокетливо прощбетала: «А это я! Не ждали?» — и исчезла за тяжелой дверью.

Макс тут же рванул с места. Скорее отогнать хозяйскую машину и домой. Боже, какое же это чудесное слово — домой! Ничего на свете не может быть лучше, чем возвращаться туда, где тебя любят и ждут, где тепло и горит свет. Ух, и напразднуются они сегодня! А завтрашнее поручение он исполнит, обязательно исполнит. А потом... Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить! Он запрещал себе даже думать о «потом», чтобы ненароком не рассердить судьбу, быть может, впервые в жизни улыбнувшуюся ему.

— Домо-ой, — запел он в полный голос. — Домо-о-о-ой!

* * *

Рождество Степе всегда нравилось даже больше, чем Новый год. Это пошло еще с детства, с тех сказок и романтических историй, которые читала ему вслух сестренка Вика. Она очень рано выучилась читать, года в четыре, и с тех пор не расставалась с книгами. А вот он, Степа, это занятие не слишком любил, ему было лень складывать буквы в слоги, а слоги в слова. Куда лучше это делает за тебя любимая сестренка. А Вика он действительно любил, да что там — обожал, боготворил просто. Маленьким бе-

гал за ней всюду, как хвостик, подражал всем ее словам, движениям, поступкам, смеша и умиляя взрослых.

С годами неприязнь к чтению прошла, а любовь к сестре осталась. Теперь, когда не стало родителей, Степа, хоть и был моложе, чувствовал себя ответственным за Вику, заботился о ней, баловал. На Рождество, например, подарит новый мобильник, а на Новый год преподнес перчатки, французские духи и шикарный трехтомник Толкиена на английском языке. Толкиену сестренка обрадовалась больше всего, сказала, что давно мечтала прочитать в подлиннике.

По-хорошему, Степану надо было сегодня быть на работе, в праздничные и предпраздничные дни там всегда особое оживление. Но он специально взял выходной, чтобы встретить Рождество дома.

Сейчас они с Викторией готовили праздничный ужин. Степа делал салат — ее любимый, с кукурузой и крабами, сестренка резала колбасу и красиво укладывала ее на тарелке. Пристроила последний кусочек, полюбовалась результатом, подняла голову, улыбнулась ему, хотела что-то сказать, но тут в храме, неподалеку от их дома, зазвонили в колокола.

Они оба, не сговариваясь, выглянули в окно, залюбовались пышным белым снегом, зимними деревьями, ярко подсвеченной церковью.

— Какая же красота! — проговорила Вика. — Как в сказке. С Рождеством тебя, братик!

— И тебя! — Степа обнял ее. Он чувствовал себя почти счастливым. Разве можно было думать о чем-то плохом в такой чудесный вечер? Даже если это плохое было очень плохим. Совсем плохим...

■ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Женя не помнил, кто первым назвал его Лохнессом и откуда взялось это прозвище. Твердо знал лишь одно — появилось оно в то время, когда слово «лох» еще не было так распространено и, соответственно, изначально в кличке не было ничего обидного. Скорей всего, дело было в мифическом шотландском чудовище. Когда Женька Крутилин учился в средней школе, все увлекались байкой про Несси, спорили до хрипоты, а подчас и до драки, может или не может так быть. Женя тогда буквально болел этой историей, зачитывался статьями в журналах, приносил в класс фотографии, вырезанные из «Науки и жизни», и даже создал собственную теорию, неоспоримо, как ему тогда казалось, доказывающую существование Несси. Неудивительно, что прилепилась кликуха... Хотя, может, Несси тут и ни при чем была. Просто Крутилин всегда ходил лохматым, с торчащими во все стороны вихрами. Эта непокорность его волос сохранилась и по сей день, только теперь он знал об этом и старался не допускать неряшливости, стригся часто и коротко.

Словом, лохматость прошла, а кличка осталась. Лохнессом Женьку звали и друзья в универе, и приятели на работе. И даже обе жены. Марина, нынешняя, — ласково, в шутку. А бывшая, Карина, когда сердилась и хотела побольнее уколоть, обозвав лохом...

«Домой, надо ехать домой. Помириться с Мариной, вместе встретить Рождество. Накроем стол, выпьем вина, включим телевизор и будем смотреть трансляцию праздничной службы. Я постараюсь забыть ее слова, она ведь говорила в порыве гнева... Зализать раны в своей берлоге, а там... Утро вечера мудренее», — эти мысли пульсировали в его голове, а он все не мог заставить себя встать с мягкого дивана в полутемном пабе. Наконец решился. Достал бумажник, положил купюру на столешницу и, не попрощавшись, игнорируя удивленные взгляды фитнес-приятелей, вышел на улицу.

Стоял морозный вечер с ясным звездным небом. Днем шел снег, и за какие-то три часа, которые Лохнесс провел в пабе, все вокруг изменилось как по волшебству. Деревья, кусты, крыши, карнизы, провода, ограды, искусственные елки на площадях — все словно родилось во второй раз и зажило новой радостной жизнью. Казалось, множество маленьких пушистых ангелочков спустились с небес на землю и весело рассыпались по ней, чтобы устроить людям настоящий праздник. Такие сказочные картины в городе редкость.

Издалека, со стороны Новодевичьего монастыря, донесся колокольный звон. Православные готовились к встрече Рождества.

Слегка пошатываясь, Женя вышел на Пироговку и неуверенно поднял руку. Он давно сам не ловил машину вот так, полупьяным. Да и вообще никак не ловил, всегда ездил на собственном джипе с водителем. Но перед каникулами водителя пришлось рассчитать, а джип сегодня остался на стоянке — Лохнесс заранее чувствовал, что может вечером напиться.

Рядом тормознула грязная убитая «шестерка», Женя сердито отмахнулся — проезжай, мол, я еще не настолько низко пал,